

- трудом простых поденщиков.

Но установить такое различие - значит сохранить целиком неравенство, существующее в современном обществе. Это значит провести заранее черту между рабочими и теми, которые претендуют на управление ими. Это значит разделить общество на два ясно обособленные класса - аристократию знания и стоящую под нею толпу с мозолистыми руками - два класса, из которых один будет служить другому, будет работать для того, чтобы кормить и одевать людей, которые, конечно, воспользуются полученным таким образом досугом, чтобы учиться господствовать над теми, кто его кормит. Мало того: это значит взять одну из самых характерных черт современного буржуазного общества и усилить ее авторитетом социальной революции; это значит возвести в основное начало то зло, на которое мы нападаем в старом, разрушающемся обществе.

Мы заранее знаем, что нам ответят. Нам станут говорить о «научном социализме», будут ссылаться на буржуазных экономистов - а также и на Маркса, чтобы доказать, что установленная градация заработной платы имеет разумные причины, потому что «рабочая сила» инженера стоила обществу больше, чем «рабочая сила» землекопа. И в самом деле, разве экономисты не старались доказать нам, что если инженеру платят в двадцать раз больше, чем землекопу, то это происходит только потому, что издержки,

«необходимые» для приготовления инженера, больше тех, которые требуются для приготовления землекопа? И разве Маркс не говорил, что-то же самое различие должно логически существовать и между различными отраслями ручного труда - раз труд становится товаром? Он должен был неизбежно прийти к этому выводу, раз только он принял теорию ценности Рикардо и утверждал, вслед за ним, что товары обмениваются пропорционально общественно необходимому для производства их труду¹.

Но мы знаем, что если в настоящее время инженер, ученый или врач получают в десять или в сто раз больше, чем рабочий, и что если ткач получает втрое больше, чем крестьянин, и в десять раз больше, чем работница на спичечной фабрике, то это зависит вовсе не от «издержек на их производство», а от монополии на знание или в пользу промышленности. Инженер, ученый и врач просто эксплуатируют известный капитал - свой диплом, - подобно тому как заводчик эксплуатирует свой завод или как помещик-дворянин эксплуатирует свой дворянский титул.

Что же касается собственника завода, который платит инженеру в двадцать раз больше, чем рабочему, то он поступает так вовсе не ради оценки «издержек производства», а из простого расчета.

Если инженер может сберечь ему на производстве тридцать тысяч рублей в год, он платит ему пять тысяч: если он найдет такого надсмотрщика за рабочими, который ловко сумеет прижимать их и поможет сэкономить три тысячи рублей на плате за труд, хозяин охотно даст надсмотрщику восемьсот рублей в год. Он охотно затратит лишних несколько сот рублей, чтобы выгадать себе тысячи, и в этом существенная черта капи-

---

¹ В этом отношении весьма поучительно у Маркса начало XXIV главы французского, пересмотренного им текста «Капитала» (в русском переводе Лопатина, стран. 504-5, а, следовательно, и в немецком издании, с которого он переводил, ничего этого нет), где доказывается, что при капиталистическом обмене рабочая сила покупается «по своей действительной цене» (а son juste prix). «Все, что последний (т. е. рабочий) требует, и вправе требовать, - это чтобы капиталист уплатил ему ценность его рабочей силы». Это он и получает. Замечу мимоходом, что без этого допущения (Hundman отлично это понял) нельзя было бы обосновать теорию прибавочной стоимости. (См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. СПб., 1872. Т.1. Процесс производства капитала (перевод Г. Лопатина)).